

— Сейчас у меня нѣтъ.
 — Неужто не дашь?
 — Не дамъ, потому что нечего.
 — А ты не сердись, старичекъ милый, полно! Я вѣдь говорю съ тобою, право же, по-дружески, а ты разсердился. — Такъ не дашь?—еще разъ спросилъ Лапкинъ, поднимаясь съ мѣста.
 — Нѣтъ у меня теперь,—сухо повторилъ Большаковъ.
 — Ну, дѣлать нечего, подожду, когда будутъ... Прощай пока!! Да смотри же у меня: чуръ, не сердиться!

Лапкинъ ушелъ. Иванъ Яковлевичъ долго ходилъ по комнатѣ. Наконецъ онъ не выдержалъ, заглянулъ ко мнѣ и спросилъ:

— Слыхалъ?
 — Да.

— Какъ это тебѣ покажется: ограбить семью, перечислиться въ кушцы—съ пустыми карманами-то,—и отдать въ кабалу сына! Большаковъ плюнулъ отъ досады и опять началъ ходить по комнатѣ.

Къ обѣду вернулся съ молотбы Петръ Иванычъ. Отецъ далъ ему подробный отчетъ о посѣщеніи Лапкина и съ замираніемъ сердца ждалъ отвѣта.

Агрономъ поблѣднѣлъ, губы его нервно задрожали.

— Онъ съума сошелъ!—воскликнулъ Петръ Иванычъ:—я уже сказалъ, что въ домъ къ нему не пойду!

И ушелъ изъ комнаты. Отецъ не пошелъ за нимъ. Онъ былъ доволенъ тѣмъ, что сынъ не поддался искушенію. Съ той поры Иванъ Яковлевичъ окончательно охладѣлъ къ Лапкину, но это нисколько не мѣшало семейной дружбѣ и какъ бы даже усилило ее. Сдѣланное Большаковыми предложеніе сохраняло пока прежнее положеніе.

XVI.

Крестьяне еще не управились съ молотбой, а наступило уже осеннее ненастье.

Осень для деревни—огневое время. Не успѣтъ пахарь проглотить куска хлѣба изъ новой муки, какъ съ него со всѣхъ сторонъ требуютъ денегъ и денегъ! Кто взysкиваетъ подушныя, кто волостныя и мірскіе, кто выкупныя, продовольственныя и ссудныя, кто частныя долги по исполнительнымъ листамъ и роспискамъ, кто всевозможныя неустойки, кто земскіе сборы. Во-